

Художник Дмитрий Плавинский ВЫВЕЛ ФОРМУЛУ ВЫСШЕЙ ГАРМОНИИ. ЭТО ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛА ЕГО ВЫСТАВКА В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Москва, Новос-
Тр- 08-14 октября
2004 года
B26

Плавинский Дмитрий
(Хронология)

11.10.04.

ЛИЧНОСТЬ

ВСЕ С НАЧАЛА

Д. Плавинский «Москва-черепаха», 1996 г.

Д. Плавинский «Космический феномен над Иерусалимом», 2000 г.

Юрий АРПИШКИН,
Андрей КОВАЛЕВ

Плавинский — художник хрестоматийный. И потому, что фигурирует во всех звездных списках, и — главным образом — потому, что воплощает все типичные черты истинного русского художника. Глубоко типичной является также творческая и личная биография Дмитрия Плавинского. Родился в 1937 году, учился у чудом сохранившихся 20-х годов, участвовал в подпольных и полуподпольных выставках, воодушевленно пьянствовал в шумных компаниях, искал вдохновения в

русской деревне и Средней Азии, эмигрировал в Америку и, наконец, вернулся триумфатором в Россию. Сейчас он один из самых дорогих ныне здравствующих русских художников. За ним прочно закрепилась репутация классика, и Плавинский с честью несет это тяжелое бремя.

В этом смысле абсолютно закономерным представляется появление его ретроспективной (1958 — 2004 гг.) экспозиции в залах в Лаврушинском переулке. Помещение Плавинского в контекст безусловной классики только подчеркивает специфику его художественной стратегии. С первых шагов он начал целенаправленно конструировать некий хрестоматийный эталон современного искусства.

При этом Плавинский безудержно вбирал все родовые черты актуальных стилей. Будучи принципиальным станковистом, он легко допускает в сферу своей работы и коллаж, и даже инсталляцию. Сегодня в нем можно угадывать предтечу постмодернизма, однако категорическое отрицание всяческой иронии ста-

/// ЗА БЕСКОНЕЧНЫМ СПЛЕТЕНИЕМ СИМВОЛОВ И АЛЛЕГОРИЙ В РАБОТАХ ДМИТРИЯ ПЛАВИНСКОГО СКРЫВАЕТСЯ ПАФОС ОСТРОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ///

вит Плавинского в оппозицию и к этому течению. Кроме того, настоящий постмодернист находится в непрерывном нервическом диалоге с опытом мирового искусства. Для Плавинского искусства мало, его задача — выразить свои представления о мироздании, защитить утраченную целостность мира. За бесконечным сплетением символов и аллегорий скрывается пафос острого публицистического высказывания. И эта черта неуклонно обличает в нем шестидесятника.

К этому свойству художника следует приглядеться внимательно. Поскольку сегодня опыт шестидесятников приобретает все большую актуальность. Идеология настоящего шестидесятника основана на стремлении выключиться из реальности и эмигрировать в реальность истинную, порожденную воображением. Тогда, в годы молодости Плавинского, такое стремление идентифицировалось не только как общественный, но и дерзкий художественный жест. Позднее это приобрело подозрительный оттенок ухода от социальной ответственности. Ибо в обязанность всякому русскому художнику вменяется быть зеркалом всех революций, эволюций и контр-

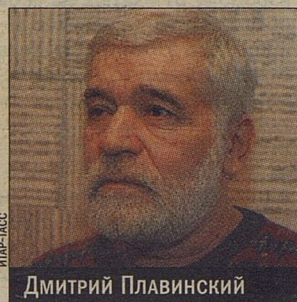
революций. Но теперь эта тактика побега опять становится неожиданно актуальной. Из чего следует, что Дмитрий Плавинский, который никогда не изменял своим принципам внутреннего эмигранта, был абсолютно прав. И если сегодня его робкие попытки каким-то образом интерпретировать события действительности (триптих, посвященный катастрофе 11 сентября) выглядят несколько натянутыми, то не известно, как они будут смотреться завтра.

Впрочем, столь же механистичными кажутся сегодня и многочисленные серии художника, являющиеся своего рода отчетами о творческих командировках в диковинные края. Его стиль — это тот способ борьбы со временем и пространством, который описан Карлосом Кастанедой. Высшая цель такого путешественника — изжить пространство и время окончательно. Последователь Шпенглера, Плавинский уверен, что в этом ему спешествует сама структура мироздания: «Творение мысли и рук человеческих рано или поздно поглощается вечной стихией природы. ...Для меня наибольший интерес представляет не расцвет той или иной цивилизации, а ее гибель и

момент зарождения следующей».

Видимо, именно поэтому выставка художника построена не по хронологическому принципу, а в соответствии с неким неведомым, но стройным замыслом. Его смысл прост — установление связи всего со всем, выведение формулы высшей гармонии. Вот ступени этого грандиозного замысла, они же названия разделов экспозиции: «Круги каньонов», «Слово», «Мера мира», «Музыка мифа», «Амальгама, опрокинутая в лазурь», «Время и природа», «Мерзость запустения». Поэт Бальмонт мог бы позавидовать такой изобретательности. И в этой параллели нет ничего странного, поскольку похоже, что записной авангардист Плавинский целью своей жизни ставит завершение и окончательное воплощение русского Серебряного века. Можно констатировать, что своей цели он достиг, но оказалось, что доведенные до предела салонные банальности символизма выглядят вполне авангардно.

Еще раз подчеркнем важность творчества Дмитрия Плавинского в свете текущего момента. В любые времена и при любых режимах он позволял себе роскошь прямого и недвусмысленного высказывания. Он пережил исторические моменты, когда прямое высказывание считалось наименее понятным. И другие моменты, когда оно казалось абсолютным моветоном. Сегодня возникает какая-то новая, еще не до конца понятная общественная ситуация. И одним из ее опознавательных знаков станет отношение к творчеству Дмитрия Плавинского.

ИТАР-ТАСС

Дмитрий Плавинский